

Е.А. Леонова (Минск, БГУ)

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

2009 год для кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета был юбилейным: ровно 70 лет назад, в 1939 году, она начала свою деятельность как составная часть кафедры русской и мировой литературы и ровно 65 лет назад, в 1944 году, стала самостоятельной структурной единицей филологического факультета БГУ. В сохранившихся архивных материалах, содержащих сведения о функционировании кафедры на начальном этапе, с 1944 по 1954 год, она проходила под разными названиями: кафедра западноевропейской литературы, кафедра мировой литературы; в 1954 году стала называться кафедрой зарубежной литературы. За прошедшее время кафедрой руководили такие ученые, как испанист, кандидат филологических наук Д.Е. Факторович; замечательный знаток западноевропейских литератур (и – прежде всего – бельгийской и французской), кандидат филологических наук Б.П. Мицкевич, известный богемист и компаративист, доктор филологических наук, профессор И.В. Шабловская. С 2002 году кафедру возглавлял специалист по английской литературе, кандидат филологических наук В.В. Халипов. С конца 2010 года исполняющим обязанности заведующего кафедрой назначена кандидат филологических наук, доцент А.М. Бутырчик.

В течение полувека, вплоть до середины 1990-х годов, кафедрой было сделано во всех отношениях немало, при том что это было весьма нелегкое для нее время. Защитить диссертацию в самой Беларуси не имелось возможности – в республике не было совета соответствующего профиля; защищались преимущественно в Москве (в Институте мировой литературы и Институте славяноведения и балканистики АН СССР, в МГУ), позднее – еще и в Санкт-Петербурге. Не всегда, но часто российские ученые были и научными руководителями наших соискателей, оппонентами же – исключительно российские литературоведы. Опубликоваться аспирантам тоже, по большому счету, можно было скорее в России или в Украине, нежели у себя дома; едва ли не исключением был «Вестник БГУ», который должен был предоставлять площадь для аспирантских материалов, в том числе по зарубежной литературе. Прекрасно знаю все это по собственному опыту; помню недоумение ученого секретаря совета по защитах диссертаций в ИМЛИ имени М. Горького АН СССР, принимавшего у меня документы к защите: почему при достаточно обширной общесоветской географии публикаций – от Киева и Одессы до Нижнего Новгорода – столь скуден перечень работ, вышедших в собственно белорусских изданиях?

О том, что необходимость открытия факультета или отделения романо-германской филологии назрела, речь шла довольно давно. Во всяком случае, об этом говорили члены нашей кафедры, в частности, на всесоюзном семинаре-совещании, состоявшемся на базе БГУ в 1981 году. Но со всей очевидностью разрыв между должным и имеющимся уровнями разработанности многих направлений отечественной филологии предстал с развалом СССР. Как раз к тому времени кафедра начала последовательно и интенсивно работать над созданием цикла учебных пособий, которые в совокупности охватывали бы зарубежную литературу от античности до современности. С 1986 по 1998 год вышло шесть учебных пособий по зарубежной литературе и хрестоматия по зарубежной литературе XX века.

В начале 1990-х годов представители нашего факультета посетили ряд университетов России, включая МГУ им. М.В. Ломоносова, с целью изучения практики преподавания в них цикла дисциплин романо-германской филологии. Кстати говоря, именно в середине 1990-х белорусское образование в его филологическом (литературоведческом) ракурсе, наконец, повернулось лицом к европейскому и мировому литературному опыту; даже школьные программы по белорусской литературе отныне предусматривали ее контекстуальное, пусть весьма скромное, изучение, чему предшествовали достаточно бурные дискуссии ученых высшей школы, учителей-словесников, методистов. В БГУ созданы были кафедра славянских литератур (1993; в течение трех лет она называлась кафедрой славистики), в состав которой вошли и выпускники аспирантуры при нашей кафедре, и кафедра классической литературы (1995), обеспечивать учебный процесс которой, пока там не были подготовлены собственные кадры, тоже помогала наша кафедра. Появилась возможность защищать диссертации по литературам зарубежных стран в самой Беларуси – при БГУ был открыт совет соответствующего профиля, работающий уже несколько сроков.

В 1995 году было, наконец, открыто и отделение романо-германской филологии; с этим событием начался качественно новый этап в деятельности нашей кафедры и, без преувеличения, в истории белорусской филологии. Подготовка на отделении романо-германской филологии ведется по четырем специальностям: английский язык и литература, итальянский язык и литература, немецкий язык и литература, французский язык и литература. Причем первые два набора были в определенном смысле уникальными: подготовка специалистов осуществлялась по двум специальностям – по одному из иностранных языков и литературе и по белорусскому языку и литературе. Понятно, что благоприятная почва для работы в новом

направлении (точнее, направлениях) на кафедре имела. Тем не менее – с учетом, что вся нагрузка по преподаванию дисциплин романо-германской филологии литературоведческого цикла легла именно и только на кафедру зарубежной литературы и при этом на ней же оставалась вся прежняя нагрузка по преподаванию общего курса зарубежной литературы на всех отделениях (включая то же отделение романо-германской филологии), труд нас всех ожидал поистине тяжелейший. Прежде всего были созданы секции по национальным литературам, каждую из которых курировал тот или иной опытный член кафедры, специалист по соответствующей литературе. Как оказалось впоследствии, функции этих секций были и остаются очень важными; в первую очередь, это, разумеется, функции организационного порядка, вплоть до налаживания и поддержания межкафедральных связей (у себя на факультете с кафедрами соответствующих языков), межвузовских и даже межнациональных. Главное же, перед каждой секцией стояла задача создания высококачественных учебных программ по национальным литературам. Внутри каждой секции между преподавателями в соответствии с их специализацией и научными интересами состоялось распределение лекционных курсов. Были сформированы авторские коллективы по написанию программ. Программы были подготовлены достаточно оперативно, хотя изданы далеко не сразу по причинам, не зависящим от кафедры. Как мне представляется сегодня, может быть, это было и к лучшему: от года к году они в некоторой степени менялись, шлифовались, происходила их корреляция с определенными реалиями действительности, вплоть до такой элементарной, как наличие в библиотеках художественных текстов (не будем упускать из виду, что поначалу интернет в этом смысле еще не играл такой роли, как сегодня; впрочем, и сейчас даже в электронных ресурсах можно найти отнюдь не все совершенно необходимые тому же, например, германисту произведения Гофмансталя, Гауптмана и других авторов). На сегодняшний день программы в большинстве своем изданы, получили положительные внешние коллегиальные и индивидуальные рецензии, некоторые имеют статус типовых; в частности, программа по истории немецкой литературы, для которой мною, например, написаны последние три раздела, посвященные, соответственно, литературному процессу в немецкоязычных странах во второй половине XIX – начале XX веков, в первой половине XX века и во второй половине XX – начале XXI веков. При этом последний раздел представляет собой почти пособие, настолько он получился основательным – ввиду почти полного отсутствия собственно учебников и учебных пособий по истории немецкой (немецкоязычной) литературы последних десятилетий. Параллельно адаптировалась к новому отделению (и, разумеется, к новой ситуации) программа общих курсов зарубежной литературы (кстати, эта программа тоже имеет статус типовой), разрабатывались новые спецсеминары и спецкурсы. Правда, семинаров и сегодня, как мне представляется, недостаточно – во всяком случае, для студентов-германистов, даже с учетом небольших наборов на эту специальность. Сейчас для студентов, изучающих немецкую литературу, работают два семинара, одним из которых, посвященным поэзии Германии и Австрии, руководит доцент Г.В. Синило, другим – «Немецкая проза XX века в контексте мировой литературы» – я (кстати, работать в этих семинарах могут и студенты других отделений факультета). Читаются спецкурсы «Беларуска-нямецкія літаратурныя ўзаемасувязі ў XX стагоддзі», «Гёльдерлин и его традиции в немецкой поэзии XX века», «Магический реализм в немецкой литературе», «Философия и поэтика немецкого экспрессионизма», «Гофман и Ян Баршчэўскі: тыпалогія творчасці».

Помимо лекционных курсов по национальным литературам, для студентов отделения романо-германской филологии разработаны курсы «Мифология романо-германских народов», «История зарубежной критики», «Теория и история мировой культуры», «Библия и культура». Читался и очень необходимый, на мой взгляд, пропедевтический курс «Введение в специальность», который в настоящее время, к сожалению, исключен из учебной программы. На выпускном курсе студенты отделения романо-германской филологии слушают, помимо нескольких спецкурсов, обобщающий курс по специализации, по которому сдают государственный экзамен. В последнее время, надо заметить, к имевшимся специальностям добавилась еще одна – «Восточная филология» (китайский язык и литература), в обеспечении учебного процесса по которой кафедра также принимает активное участие.

Разумеется, преподаватели кафедры максимально используют в своей работе результаты собственных научных исследований и творческой деятельности. Все это время на кафедре велась и ведется интенсивная подготовка научно-педагогических кадров – как для себя, так и для других вузов республики. Только в последние годы успешно защищены и утверждены ВАК подготовленные на кафедре кандидатские диссертации, посвященные творчеству М. Фриша, Г. Гессе, И. Бахман, В. Вулф, Т.С. Элиота, Э. Паунда, Дж. Джойса, Гюисманса, Ромена Гари, Л. Стерна, французскому литературному либертинажу, типологии творчества Дж. Стейнбека и Кузьмы Чорного, Кнута Гамсуна и М. Горького, английской литературной утопии и др. Между тем вопросов и проблем в преподавании романо-германской филологии остается немало. Не буду говорить о проблемах, типичных для всех «зарубежников» и даже «незару-

бежников» (например, о периодизации курсов, об их выстраивании при ограниченном количестве отведенных лекционных и практических часов и др.), остановлюсь лишь на нескольких достаточно специфических вопросах. Первый я бы условно сформулировала как вопрос сведения/разведения общих курсов зарубежной литературы и курсов национальных литератур соответствующих периодов. В тех и других читать приходится, в сущности, одних и тех же авторов; при этом, как известно, общие курсы читаются для всего потока студентов отделения романо-германской филологии, а курсы национальных литератур, естественно, по специальностям. Представить, например, курс лекций по истории немецкой литературы первой половины XX века без экспрессионизма, без Т. Манна с его «Доктором Фаустусом», Г. Манна и Л. Фейхтвангера с их исторической прозой, Б. Брехта с «эпическим театром», Г. Гессе со «Степным волком» и «Игрой в бисер», Э.М. Ремарка с его романами о «потерянном поколении», без великих австрийцев Ф. Кафки, Р. Музиля, Э. Канетти немисливо. Но точно так же немислим без них общий курс зарубежной литературы. Следовательно, при небольшом количестве лекционных часов (на курс – 20 часов, то есть 10 лекций) преподаватели, повторю, читают студентам одних и тех же писателей, при этом у того же германиста остается мизер времени, чтобы дать представление о таких явлениях и фигурах, которые в силу разных причин вряд ли будут востребованы в общем курсе зарубежной литературы (например, о немецком представительстве в дадаизме и сюрреализме, о прозе А. Дёблина, о фрейдовской технике свободных ассоциаций и ее использовании в немецкоязычных литературах и прочем). Не читать перечисленных выше гениальных немецких художников слова? Согласитесь, их отсутствие в курсе для германистов будет выглядеть по меньшей мере нонсенсом; впору будет ставить вопрос о профессионализме лектора. Знаю случаи, когда коллеги, читающие ту или иную национальную литературу, прибегают к согласованию тематики лекций с преподавателем зарубежной литературы: можешь не читать того-то и того-то, у тебя останется больше времени, например, на ту же немецкую литературу. Разумеется, в междисциплинарных связях смысл есть; тем не менее подобного рода «согласование» считаю совершенно неприемлемым. И не потому, настоятельно это подчеркиваю, что в таком случае в большей степени дублируются «мои», то есть немецкие авторы, – как раз этому я была бы только рада: больше будут студенты слышать – больше будут знать. Все дело в том, что курс зарубежной литературы как раз для того и предназначен, чтобы германисты, помимо немецкой литературы, получили представление о великих французских, итальянских, английских писателях, а англисты, помимо английской, еще и о великих немцах и т.д. У нас же получается замкнутый круг.

Идеально было бы и общие курсы зарубежной литературы читать по специальностям, а не для всего потока, но надеяться на подобную «роскошь» нереально по причине сугубо прагматического характера: потребуются дополнительные учебные часы, а кто их нам даст? Возможно, выход в том, чтобы для каждой специальности национальная литература читалась одним преподавателем в контексте зарубежной литературы; в таком случае дополнительные лекционные часы можно было бы почти сnivelировать часами на консультацию и экзамен (вместо двух экзаменов принимался бы один, общий).

Есть и проблемы, возникающие в некотором смысле искусственно, от непродуманности определенных шагов. Так, несколько лет назад возникла проблема комплектования спецсеминаров по литературам специализаций. Более чем успешно перед этим функционировавшие семинары оказались на грани закрытия. Это было связано с тем, что языковые кафедры получили право присваивать выпускникам своих спецсеминаров еще и специальность (помимо общей для всех) «переводчик». Все студенты в одночасье загорелись желанием (точнее, возможностью) без особых хлопот стать переводчиками, решив, видимо, что теперь-то останется выбирать, как минимум, между работой в ООН и работой в Евросоюзе. А если серьезно, то дело даже не в нашей кафедре (на которой, разумеется, студенты работают не только с переводами, но и с оригинальными текстами, исследуют в своих курсовых и дипломных художественный язык литературных произведений, сопоставляют переводы и оригиналы, многие сами пробуют себя в переводе); дело еще и в том, что образовался кричащий, абсурдный дисбаланс: наборы осуществляются на язык и литературу, а выпускающими оказываются только языковые кафедры. Правда, как уверяет руководство деканата, подобный дисбаланс со всеми вытекающими из него последствиями будет в текущем учебном году устранен, и запись «переводчик» будет делаться в дипломах всех выпускников отделения романо-германской филологии. Разумеется, потребуется некоторая корректировка тематики литературоведческих спецсеминаров.

Безусловно, есть и другие проблемы (в их числе создание учебников и учебных пособий по английской, немецкой, итальянской, французской литературам; введение белорусского литературно-культурного компонента в практику преподавания дисциплин романо-германской филологии; сотрудничество со средней школой и т.д.), что, впрочем, вполне закономерно: ни один живой процесс без них не обходится. Главное, что проблемы эти решаемы и решаются.